

УГОЛЬ

РАССКАЗ*

ДАНИИЛ ЛИХАЧЕВ
Родился в 1992 году
в Ностромской области.
Окончил Рыбинский
лесотехнический колледж.
После армии работал
пожарным, дежурным
по железнодорожной
станции, дальнобойщиком.
Затем заочно окончил

Российский университет
транспорта (МИИТ), сейчас
работает диспетчером
в управлении РЖД.
Со школьных лет пробовал
писать песни и пел их под
гитару, но всерьез к этому
увлечению не относился.
Впервые осознанно стал
сочинять, когда решил

участвовать в проводимом
«Литературной газетой»
при поддержке ОАО «РЖД»
конкурсе «Золотое звено».
В 2021 году с первым
своим рассказом оказался
среди шести человек,
вошедших в длинный список
в номинации «Творчество
молодых».

Горячий чай томился в цветастых пиалах, покрываясь легкой дымкой и согревая кухонную атмосферу семьи Ковалевых. Юрийпил его, слегка причмокивая, и постоянно керкал, будто был чем-то недоволен. Впрочем, он и правда был недоволен.

– Каждый год мы эти баулы собираем, разбираем... Может, к черту, Лен, эту Анапу? – наконец пробурчал надутю.

– К черту, к черту... А Лешка?! Куда ему в нашей Воркуте сходить? Одна разруха. Нет уж, дорогой. Да и сам ты зря, что ли, ползаешь с киркой за своим углем? На море погреться не помешает, – отрезала Лена.

– Папа, папа, а можно Барсика с собой взять? – крикнул Лешка.

– Ты еще лошадь возьми!.. Барсика... Не мучай кота, отпусти! – возмутился глава семейства.

Потомственный шахтер с большим стажем, Юрий всю свою сознательную жизнь был с черным от угля носом, но зато при деньгах. Супруга Лена трудилась в местном ЖКХ, сидела с бумагами. Лешке, позднему сыну, восьмой год пошел, рос на радость окружающим, хоть и озорничал. Ну, и Барсик еще был в семье, главный пушистый начальник лежанки, обожаемый всеми, кроме Юрия.

Наступала ночь, если можно, конечно, так назвать пору белых ночей, когда на улице круглые сутки день. Задвинув плотные бордовые шторы, чтобы имитировать темноту за окном, и громко зевая, Юра угнезвился на двуспальной кровати. Лешка уже сопел, обнимая большого плюшевого мишку, подаренного ему на день рождения бабушкой. Лена вымыла посуду и легла к мужу, укутавшись любимым пледом, вытертым чуть ли не до дыр.

– Юр, ты билеты в куртку положил? – уже задремывая, спросила она. – Чтоб не бегать тут с вами, не искать...

– Да положил, положил, – задумчиво отозвался супруг и, выждав паузу, продолжил: – Блин, слушай, может, все-таки не поедем, а? Что-то дурное у меня предчувствие. Ты ж меня знаешь, я по глупости не стану...

– Спи, Юр. Спи. Хватит выдумывать. Пять часов осталось, – проворчала жена, ежась под мягким пледом, и отвернулась к стене.

– Ладно, попробую, – прошептал Юрий и закрыл глаза.

Около трех часов ночи Лена вскочила от странных, непривычных ее уху звуков. Юра рядом с ней то бормотал сквозь сон, то кричал во всю глотку что-то несуразное. Она разобрала лишь «уголь... мой уголь... зачем вы!».

* Основано на реальных событиях. Названия и фамилии изменены.

– Ты чего, Юра, Юра?! – испуганно затрясла она мужа за плечи. – Лешку разбудишь, – добавила сипло.

– Брр, – произнес Юра, сев в кровати и вытирая обеими ладонями вспотевшее лицо. – Брр!.. Пойду морса выпью...

– Что снилось-то?

Муж усмехнулся, беспечно махнул рукой и последовал в кухню, шаркая тапками по свежестеленному линолеуму.

Не успели вновь угомониться, как прозвенел будильник, и все, как ошпаренные, забегали по квартире. Лена с Лешкой спустя десять минут вышли на улицу. За ними и Юрий, крепко хлопнув дверью и закрыв замок на четыре оборота, с трудом подхватил баулы и спустился к такси.

Через полчаса семья уже сидела в вагоне поезда Воркута – Анапа. Лешке досталась верхняя полка, напротив устроилась Лена. Себе Юрий выбрал низ – из-за сорванной недавно спины наверх ему забираться было трудно, к тому же внизу, как он считал, теплее, кондиционеры не так дуют.

Четвертым пассажиром к обоюдной радости оказался...

– Пашка, дорогой! – приобнял Юрий старого знакомого.

Тот пристроил на сиденье маленькую матерчатую сумку и уселся, улыбаясь. Мужики знакомы были сто лет, но давненько не встречались, так что совместное путешествие обещало желанный разговор.

Поезд мягко тронулся, и приятели, прислушиваясь, как состав набирает скорость, дружно посмотрели в окно.

– Да, поезда теперь стали... – благодушно проговорил Юрий. – Тишина, никакого стука колес. А раньше...

– А раньше и рельсы крепились иначе, – со знанием дела ответил Павел. – Пластинами с болтами. Теперь их сваркой соединяют. Шелковый путь называется...

За окном тянулся привычный северный пейзаж. С первого взгляда краски за окном вагона казались блеклыми, невзрачными, но стоило повнимательнее взглянуть в бескрайнюю тундру, в ее сочные болота с косо торчащими высохшими деревьями, как начинало казаться, что ты оживаешь и наполняешься силой от этой картины. Она согревала душу, как выпитая на свадьбе стопка, и душа кричала «Горько, горько!». Однако вскоре в прямом смысле становилось горько от мысли, что вся эта таинственная красота может быть

оставлена человеком, бездумно стремящимся к комфорту...

– А мы вот на отдых, на теплые камушки, на море, – потянувшись до хруста в плечах, произнес Юрий, не дожидаясь вопроса.

– Догадываюсь, – с присущей ему тихой улыбкой ответил Павел. – А я на обследование в Ярик... В Ярославль, – поправился он, заметив недоумение на лице Лены. – Чего-то нынче медкомиссии не понравилось мое здоровьишко...

– Ты уж давно ведь на грузовом? Машинистом?

– Да, двенадцать лет на днях стукнуло. Никогда вроде давление не мучило, а они говорят – сердечко начинает барахлить.

– Серьезная ваша работка. Устаете.

– Ну, не больше шахтеров! – хохотнул Павел, задорно оглядывая Юрия. – Это все график наш, смены ночные... Привыкнуть вроде пора бы...

– Н-да...

Незаметно наступила ночь, Лешка с Леной заснули. Мужики же сидели и все так же негромко болтали на разные темы. За окном лил дождь, тяжелые капли бились в черное стекло, колотили по обшивке вагона, будто проверяя на прочность свежую ливрею.

Было около двух часов, когда за окном поплыли фонари перед станцией Урай.

– Смотри, смотри, не твоя ли Маринка там? – по-мальчишески радостно воскликнул Юрий, увидев на перроне дежурную. – Наш поезд встречает!

– Не вижу... Да и не моя она давно, – холодно выдавил Павел. – Пять лет уж не живем, Юр.

– Ну-у? И не общаетесь?.. А ребятишки?

– Хотелось бы... Только... что было, то прошло.

Павел отвернулся и стал расстилать постель, а затем, тайно проводив взглядом удаляющийся фонарь в руках своей бывшей, принялся выискивать в телефоне контакт с именем Марина.

Марина заступила на дежурство в 20:00, успев до этого наготовить разносолов своим близким и вздремнуть перед ночью. Смена начиналась спокойно. Дежурная вернулась с перрона в служебку и вызвала по радиосвязи машиниста проследовавшего пассажирского поезда.

– Счастливого пути, 517-й!

– Хорошей смены! – ответил 517-й.

Судьба у Марины сложилась непросто. Во времена их совместной с Павлом жизни она была женщиной мягкой и восприимчивой к происходящему вокруг. Но годы изменили обоих, и вскоре после

Скрежет металла докатился до помещения дежурной секунд через десять. Звук был похож на работу металлического пресса, сминающего под собой ржавое железо. Это было привычно: рядом находилась металлоприемка, и каких только звуков оттуда не доносилось, поэтому Марина не придавала грохоту значения.

развода она с двумя ребятами вынуждена была переехать к старенькой матери в Урай. Пришлось четвером ютиться в «однушке», полученной ее мамой от завода еще при Союзе. Конечно, в такой тесноте были и обиды, но мать, пусть и больная, стала единственной надеждой и опорой Марины: сидела с детьми, когда та была на работе.

Благодарно размышляя об этом, вслед за пассажирским Марина проводила через Урай грузовой 2307.

Машинист Сергей Шмелев в этот день вышел в смену с помощником Михаилом Ренжиным. Это была их первая совместная поездка. Все началось стандартно: осмотрели и приняли к работе тепловоз, зашли под состав, груженный углем, и в назначенное графиком движения время отправились в путь вслед за пассажирским Воркута – Анапа. Погода налаживалась, дождь прекратился, но округу накрыл туман, ослабивший и без того ограниченную видимость.

Благополучно проследовав Урай, локомотив вступил на межстанционный перегон, и тут резкий толчок с оттяжкой назад повалил помощника на пол.

- Серег, что такое?! – прокричал Михаил снизу, толком не успев испугаться. – Давление в тор- мозах упало?
- Что за... – не успел выругаться Сергей, как локомотив, дернувшись, встал, заставив его смачно впечататься носом в пыльное ветровое стекло.

Скрежет металла докатился до помещения дежурной секунд через десять. Звук был похож на работу металлического пресса, сминающего под собой ржавое железо. Это было привычно: рядом находилась металлоприемка, и каких только звуков оттуда не доносилось, поэтому Марина не придавала грохоту значения.

Спустя полминуты Сергей, схватившись за нос, из которого струилась кровь, задавленно крикнул все еще лежащему на полу помощнику:

- Эй, ты живой? Глянь, что происходит. Я ничего не понимаю.
- Сейчас, дай встать... Нога, черт...

Держась за кресло и хрипя, Михаил поднялся и высунулся в окно. Сквозь клочья тумана, словно в фильме ужасов, угадывалась гряда искореженных вагонов вперемешку с углем и щебнем. Слепящий прожектор освещал ручей с рухнувшим пролетом моста. Страшными пиками торчали в воздухе рельсы.

- Все, Серег, приехали... – возвращая голову в кабину, промямлил помощник. – Моста нет.
- Ни хрена себе! – закачался на ногах Сергей, зажимая несвежей тряпкой сломанный нос. Голова гудела, словно колокол. – Давай это... Урай... дежурную. Докладывай! Вдруг там кто за нами идет!
- Урай, Урай, дежурный! – захлебываясь, кричал в рацию Михаил.
- Ми-ишь, – сквозь завесу на глазах разглядел Сергей, – ты кнопку-то нажми, чего в пустоту орать?

Он выдавил это без тени издевки, спохватившись, что парень впервые поехал помощником, и тут же, дотянувшись до него, выхватил влажную от пота рацию.

- Урай! Дежурный! Машинист поезда 2307 Шмелев. При скорости сорок семь км в час под составом произошло обрушение конструкции моста. Вагоны сошли с рельс, габарита по соседнему пути нет.
- Я вас поняла, 2307, сообщаю, – сухо произнесла Марина и, едва успев осознать сказанное, начала передавать информацию по цепочкам опо-

вещения. Она уже представила, сколько забот вмиг свалилось на дежурный диспетчерский аппарат: и пассажиров вывозить автотранспортом в объезд места крушения, и принять первые меры по разбору и восстановлению обвала...

Настойчиво звонил мобильный, мешая выполнять должностные обязанности. На экране телефона высвечивался незнакомый номер. Марина не брала трубку. Лишь через несколько минут, освободившись, перезвонила сама.

– Вы Марина Лебедева? – уточнил незнакомый голос. – Нам очень жаль... Ваша мать только что скончалась дома от сердечного приступа. Примите наши соболезнования. Дети под надзором медиков...

Марина плавно, как в замедленном кино, опустила телефон на стол. Она словно впала в кому и стала видеть себя со стороны. Все вокруг поплыло, в ушах зазвенело многоголосое эхо. Глотая слезы с обветренных губ, она прошептала: «Ма-ма...» В голове не было ни одной четкой мысли, лишь обрывки... дети... уголь... похороны... мост... как жить дальше?

Ей некому было позвонить. Кроме одного абонента...

– Подожди, Юр, Марина звонит... – прервал разговор засветившийся от счастья Павел. – Алло? Мариночка... Ты на дежурстве? А я вот в поезде еду, недавно твой Урай миновали, – срывающимся голосом торопился он высказаться.

– Ты на 517-м, что ли? Слава богу! – расслышал он сквозь всхлипы.

– Да, в больницу я, в Ярик. А у тебя что-то случилось?

Юрий с недоумением вглядывался в меняющееся на глазах лицо Павла.

– Мама? Господи, как так?! Я приеду. Я приеду, ты жди!

Потом был звонок в депо и обрывки разговора об аварии.

– И что там где рухнуло? Не понял я ничего, – безмятежно спросил Юрий, пытаясь вернуть недавнему разговору непринужденность.

Но приятель стал сух и сдержан.

– Вслед за нами, минут через двадцать, грузовой с углем... вместе с мостом... Так что мы в рубашке родились... – глядя в пустоту ночи, ответил он. – На волосок от смерти были...

– Ха, – автоматически поморщился Юрий. – В мою смену в шахте как-то обвалилась порода. Никто не пострадал...

Он посидел молча и вдруг резко закрыл лицо трясущимися руками.

– Бли-ин!.. Я же говорил, говорил, что не надо ехать в эту... как ее!.. Мне ж эта авария и снилась, я теперь понимаю! – Он обратил взгляд куда-то к небу и зашептал: – Она самая! Как мой уголь куда-то туда, под обрыв, под обрыв!.. Зачем?! Мы ж столько над ним бились!..

Вскочив, он принялся расталкивать на верхней полке супругу.

– Собираем вещи, Лена! Давай Лешку буди! Скоро выходим!

– Как? Разве уже приехали? – бормотала жена, неловко спускаясь сверху.

– Приехали, приехали, хватит!

Продолжая что-то бурчать, Юрий укладывал со стола в пакет еду, к которой даже не успел приотронуться.

Сонный Лешка уселся на уголке нижней полки и клевал носом.

Было тесно от суеты и душно.

– Вот какие вррремена, Паша. Даже мосты не выдеррррживают! – прорычал на все купе Юрий. – У нас в забое, знаешь, веселей! Да-да, веселей!

Павел улыбнулся, словно извиняясь, и, прихватив свою сумочку, вышел в тамбур: уже светилась огнями ближайшая станция.

За ним следом вышли на перрон и Ковалевы.

– Дядя Паша, а зачем трактор на поезд загнали? – любопытствовал Лешка, разглядывая состав с нагромождением на платформе.

– Это восстановительный поезд. Если он на путях, значит, где-то беда случилась...

Объяснив попутчикам, как пройти к гостинице, чтобы разместиться до выяснения обстоятельств, Павел долго стоял и наблюдал, как лениво и покорно плетутся за главой семейства его домочадцы.

Спустя пару часов после аварии Марину отпустил сменщик.

Дома у нее, в тесной комнатке, вовсю шла подготовка к предстоящим похоронам, и это навевало крепкую, до кома в горле, тоску. Хлопотливые старушки-соседки бережно приносили и намывали посуду для поминок, заранее варили рис для кутьи и тихо всхлипывали, вспоминая новопреставленную.

Когда Павел просочился в квартиру, Марина суетилась в поисках документов для поездки в морг, а сыновья смотрели мультики. Заметив отца, они рванули к дверям. Павел опешил и за-

мер, покрывшись мелкими мурашками, когда они обняли его за обе ноги и едва не уронили.

Марина молча подошла к своим мужикам и положила голову старшему на плечо. Сердце у Павла сжалось и зануло.

– Как тебе теперь с больницей-то? Надо ведь ехать...

– Разберемся... – отмахнулся он. – Сейчас главное мама...

У Марины полились слезы, и Павел, чуть помедлив, с опаской вытер их своим платком.

– Я подумала вдруг, что вот мама... а еще ты бы мог быть в той смене...

Павел слегка дрогнул лицом.

– А меня отстранили, на время... вот и хорошо... Садик-то работает? – спросил он, пытаясь поймать Маринин взгляд.

Она утвердительно опустила веки.

– Ну, а об остальном договоримся с соседками. И начальство попросим, чтобы сменами не совпадать, да?

К локомотивной бригаде Шмелева добрались только через шесть часов, вынудив Сергея с Мишей все это время беспомощно взирать на груды угля и покореженного металла.

Общее движение восстановили спустя двое суток. Поезда вернулись в график, дав возможность Юриной семье, так и не искупавшейся в море, отправиться назад в Воркуту.

Снова проезжали Урай.

– Лен... – Успокоившийся Юрий ласково толкнулся в плечо жены своим и заискивающе заглянул ей в глаза. – Давай поспорим, что Пашка опять сойдется с Маринкой. Чует мое сердце. А оно меня никогда не подводит.

– Да уж, – уклончиво ответила Лена, всматриваясь в дождливую даль. – Хорошо, если они не успели сжечь за собой мосты... до угольков.

– Не-е, – довольно хохотнул Юрий. – Теперь обратный закон действует: обрушение моста – соединяет!

Лешка, с верхней полки слушавший родительский разговор, упорно боролся со сном и наконец забылся в сладких мечтах о своем Барсике.

Жизнь продолжалась.